

ИППОЛИТЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПАВЛОВЪ.

1882 г.—23 августа—1902 г.

Моск. в. I. 1902. № 231

23 сего августа исполняется ровно двадцать лет со дня безвременной кончины даровитого публициста и педагога Ипполита Николаевича Павлова, кь сожалѣнію прожившаго слишкомъ мало (онъ скончался на 43мъ году жизни) и большую часть своей недолгой жизни находившагося въ слишкомъ неблагоприятныхъ условіяхъ, чтобы во всю ширину развернулся тотъ большой литературный и критическій талантъ, которымъ онъ несомнѣнно былъ одаренъ отъ природы. Но и того сравнительно небольшого литературнаго наслѣдства, которое осталось послѣ покойнаго И. Н. Павлова въ видѣ его статей, разбросанныхъ въ современныхъ ему періодическихъ изданіяхъ (преимущественно въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Московскихъ Ведомостяхъ* и *Аксаковской Руси*), вполне достаточно, чтобы онъ занялъ не послѣднее мѣсто въ ряду русскихъ публицистовъ семидесятыхъ годовъ.

Сынъ извѣстнаго писателя и критика Николая Филипповича Павлова и талантливой повѣстессы Каролины Карловны Павловой, (урожденной Янишъ), Ипполитъ Николаевичъ вступилъ въ жизнь при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ.

Семейство богатое, образованное, даровитое, хвалившееся любовью къ литературѣ, къ искусству, сосредоточивало, повидимому, всѣ заботы на единственномъ сынѣ. Къ сожалѣнію, заботы эти, по признанію самого И. Н. Павлова, сводились почти исключительно къ тому, что ребенокъ пагу не могъ ступить безъ присмотра.

„Свѣжій воздухъ едва могъ пахнуть на меня—разсказываетъ И. Н. Павловъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*:—ни днемъ, ни ночью не было мнѣ покоя отъ хлопотливаго ухода, а на дѣлѣ я былъ предоставленъ самому себѣ. Чтò думалось, чувствовалось, грезилося мнѣ, все содержаніе дѣтской жизни, обставленной извѣстными стѣнителями предосторожностей, было такъ же мало извѣстно моимъ родителямъ, какъ елибы и жилъ за тридевять земель отъ нихъ. Отца я видѣлъ рѣдко, мелькомъ. Онъ никогда не ласкалъ меня. Холодно здоровался и холодно прощался со мною. Его кабинетъ, * занимавший отдѣльную пристройку, — длинная комната съ темнотелеными суконными обоями, съ высокими, узкими книжными шкапами въ простѣнкахъ, съ тяжелыми драпировками на окнахъ, съ обширнымъ каминномъ, съ массивною темною мебелью, — представлялся мнѣ таинственно-недоступнымъ. Я входилъ въ него не иначе, какъ по особому позволенію или приказанію, всегда съ тревогой и робостью, съ боязливымъ любопытствомъ. Мать принимала гостей, выѣзжала или писала.“

Выѣзды К. К. Павловой не могли имѣть никакого вліянія на ея сына, такъ какъ онъ рѣдко, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, сопутствовалъ ей, но приемы въ домѣ Павловыхъ, на Рождественскомъ бульварѣ, гдѣ еженедѣльно въ опредѣленный день собиралось все, чтò было въ Москвѣ выдающагося въ области литературы и искусства, эти литературно-художественныя сборища, гдѣ своими людьми и желанными гостями были такіе люди, какъ Аксаковъ (Сергій Тимофеевичъ Аксаковъ былъ крестнымъ отцомъ И. Н. Павлова), Грановскій, Шевыревъ и др., гдѣ начинающие поэты, какъ, напримѣръ, А. А. Шеншинъ-Фетъ, читали первыя свои произведенія, не могли не отозваться на впечатлительномъ, не по дѣтски развитомъ и вдумчивомъ мальчикѣ, тѣмъ болѣе, что его мать, смотрѣвшая на искусство вообще, а на поэзію въ особенности, какъ на нечто священное, къ своимъ поэтическимъ упражненіямъ относилась въ высшей степени серьезно и требовала такого же отношенія къ нимъ отъ всѣхъ окружающихъ ее.

„Чтобы писать, — разсказываетъ И. Н. Павловъ дальше въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, — мать окружала себя нѣсколько торжественными предосторожностями. Весь домъ объ этомъ оповѣщался и тотчасъ же почтительно затихалъ. Затворялись двери большой гостиной, примыкавшей къ спальнѣ матери. По этимъ двумъ просторнымъ комнатамъ она ходила скорыми шагами, громко произнося на распѣвъ съ напряженною выразительностью, съ рѣзкими повышеніями и пониженіями голоса, отрывочные стихи, повторяя ихъ по нѣскольку разъ, мѣняя, переставляя ихъ. Подарившись къ затворенной двери, я прислушивался, бывало, къ этимъ страннымъ, не-

* Комната въ домѣ Павловыхъ (нынѣ г. Матерья) на Рождественскомъ бульварѣ до нѣкоторой степени историческая, такъ какъ здѣсь рѣдко происходили извѣстныя собранія славянофиловъ, душою которыхъ была семья Аксаковыхъ.

обыкновеннымъ словамъ, и складъ размысла и созвучія западали въ мой слухъ и не пустымъ и ничтожнымъ, а серьезнымъ и важнымъ дѣломъ, казалось мнѣ слагать такой размыслъ, находить такіе созвучія.“

Все такимъ образомъ какъ бы нарочно слагалось такъ, чтобы съ дѣтскихъ лѣтъ И. Н. Павловъ проникся сознаніемъ, что „служенье Музъ не терпитъ суеты“, что это служенье есть своего рода священнодѣйствіе, и что люди, одаренные поэтическимъ талантомъ, Божьи избранники, призванные къ важному и великому дѣлу. И дѣйствительно, это сознаніе легло въ основу литературнаго *credo* Ипполита Николаевича, который, будучи воспитанъ на лучшихъ отечественныхъ и иностранныхъ мастерахъ слова, не могъ примириться съ уродливымъ вѣяніемъ, начавшимъ проникать въ русскую литературу уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ, и горячо возставалъ, противъ „отступничества“ русскихъ писателей послѣдней формации отъ заветныхъ имъ ихъ великими предшественниками идеаловъ.

Не малое вліяніе на чуткую художественную натуру И. Н. Павлова оказала и его нянька Марья Петровна, на рукахъ которой онъ выросъ и которая въ дѣтствѣ была его неразлучною спутницей и единственнымъ довереннымъ человекомъ. Это была нянька того добраго стараго времени, которое дало намъ знаменитую Арину Родионовну, незабвенную въ исторіи русской литературы „подругу дней“ Пушкина, его „нѣжную голубку“ и вдохновительницу. Марья Петровна имѣла много общаго со знаменитою няней нашего великаго поэта.

„Это было“, по характеристикѣ И. Н. Павлова, „типическое созданіе крѣпостнаго права: не имѣющая своего сужденія и личной воли, наивно, трогательно суевѣрная, беззащитно преданная господамъ, но тщательно старающаяся скрыть отъ нихъ все, чтò могло непрямо на нихъ подѣйствовать, обезпокоить, прогнѣвать ихъ... Она видѣла грѣхъ въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ. Алѣ, съ раскаленными сковородами, кипящей смолой и неугасимымъ пламенемъ, зная для нея за гробомъ, и она оставалась невозмутимо — спокойно, добродушно веселою. Рогатые черти, на каждомъ шагѣ подстерегающіе человека, купающіеся ночью въ неакрытой посудѣ, выѣзжающіе изъ печей, домовые, русалки, тѣпіе, мертвецы, встающіе изъ могилъ — были для нея несомнѣнною, обыкновенною дѣйствительностью.“

Въ эту дѣйствительность, гдѣ отголоски стародавней народной поэзіи

смѣшивались съ дикими пугалами и болѣзненнымъ бредомъ, ввела Марья Петровна своего питомца нескончаемыми, словоохотливыми, безыскусственно-наглядными разсказами.

„Едва пробуждающееся воображеніе мое, — разсказываетъ И. Н. Павловъ, — быстро и своевольно разыгралось. Чудовищный міръ, полный мрака и ужаса, рѣдко озаряемый свѣтлымъ лучомъ, охватилъ меня. Онъ отовсюду грозилъ мнѣ, надвигался на меня со всѣхъ сторонъ, и я не смѣлъ проговориться о немъ; съ напряженіемъ хранилъ я тайну моего страха.“

Но не одинъ страхъ внушала своему питомцу старая няня. Она ввела его въ чудный міръ русской народной поэзіи и своими разсказами пробудила въ чуткомъ дѣтскомъ сердцѣ безотчетную любовь къ народному творчеству.

Такъ проходило дѣтство И. Н. Павлова, при такихъ условіяхъ складывалась его художественная натура. Чтò касается до его научныхъ занятій, то его учили такъ, какъ учили большинству дѣтей его круга — „понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“. Правда, передъ поступленіемъ въ Московскій Университетъ, въ который онъ, какъ и всѣ его сверстники, воспитывавшіеся дома, вступилъ шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ провелъ съ матерью въ Дерптѣ (Юрьевѣ) цѣлый годъ, пользуясь уроками извѣстныхъ профессоровъ тогдашняго Дерптскаго Университета, но эти занятія были довольно безслѣстными и ничего особеннаго не дали отроку, стремившемуся къ знанію, такъ что, по возвращеніи изъ Дерпта въ Москву, пятнадцатилѣтнему И. Н. Павлову пришлось много и сильно работать, чтобы понасть въ Университетъ, куда онъ, сдавъ блестящіе вступительные экзамены, былъ принятъ въ августѣ 1855 года.

II.

Къ этому времени матеріальное благосостояніе семьи Павловыхъ значительно пошатнулось; къ затрудненіямъ денежнымъ присоединился разрывъ между Н. Ф. и К. К. Павловыми, скоро закончившійся разлукою супруговъ. Все это, разумется, не могло не отразиться на юншѣ, однако любившемъ обоихъ родителей, не могло не подѣйствовать угнетающимъ образомъ на его душевное состояніе. Но не одни моральныя страданія принесли И. Н. Павлову эту семейный раздоръ. Онъ самымъ ошутительнымъ образомъ пересоздалъ обстановку его жизни, обстановку, въ которой онъ родился, къ которой привыкъ. Сынъ очень богатыхъ родителей, единственный ихъ наслѣдникъ, въ одинъ прекрасный день очутился

въ такомъ положеніи, что ему не на что было купить свѣчку и для того, чтобы освѣтить рабочій столъ, за которымъ юный студентъ съ увлеченіемъ предавался научнымъ занятіямъ, та же Марья Петровна дрожащими руками поспѣшила оправляла лампаду, которую предвительно снимала отъ образа.

Но не таковъ былъ И. Н. Павловъ, чтобы недостатокъ и даже нужда могли обезкуражить его, лишить юному необходимой бодрости духа. Не даромъ другъ Н. Ф. Павлова извѣстный литераторъ и музыкантъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ Н. А. Мельгуновъ, въ одномъ изъ писемъ къ Николаю Филипповичу называлъ его сына, Ипполита, *лучшимъ изъ созданныхъ*.

Курсъ университета по словесному отдѣленію филологическаго факультета былъ блестяще оконченъ И. Н. Павловымъ, который вышелъ изъ его стѣн со степенью кандидата.

Чтобы судить о томъ вліяніи, какое имѣлъ на И. Н. Павлова университетъ, достаточно сказать, что это было золотое время Московскаго Университета. Правда, Грановскій, передъ которымъ Ипполитъ Николаевичъ благоговѣлъ еще въ родительскомъ домѣ, къ несчастью, уже скончался, но духъ этого идеальнаго профессора еще виталъ надъ его роднымъ Университетомъ, и непривоснованны были заветыныя имъ традиціи.

Научнымъ успѣхамъ будущаго публициста, конечно, не мало содѣйствовало его развитіе, настроеніе и самый складъ ума, дѣлавшіе его способнымъ не только воспринять науку, но и полюбить ее, отдасть ей.

По выходѣ изъ Университета И. Н. Павловъ, совершенно не подготовленный къ практической жизни, сразу очутился къ ней лицомъ къ лицу и очень скоро долженъ былъ почувствовать все свое безсиліе для той мелочной борьбы, которую ему предстояло вести съ людьми и обстоятельствами. Чуткая душа и благородное сердце не могли идти „по теченію“; И. Н. Павловъ горячо протестовалъ всегда, когда считалъ такой протестъ необходимымъ, и всегда жестоко платился за свой протестъ.

Поэтъ и не только въ душѣ (И. Н. Павлову помимо мелкихъ лирическихъ стихотвореній принадлежатъ чудный переводъ первыхъ сценъ и посвященія *Фауста* Гёте), Ипполитъ Николаевичъ долженъ былъ для заработка, въ которомъ нуждался, вступить на тяжелый и въ высшей степени отвѣтственный путь педагога, который впрочемъ, оставилъ скорѣе, чѣмъ желалъ, вслѣдствіе разныхъ „недоразумѣній“ съ товарищами-рутинерами. Тѣмъ не менѣе онъ былъ учителемъ

въ нѣсколькихъ гимназіяхъ, институтѣхъ и только-что возникавшемъ Катковскомъ Липей. Впослѣдствіи онъ также читалъ лекціи въ высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Какъ онъ преподавалъ и какимъ былъ педагогомъ, объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать каждый изъ бывшихъ его учениковъ. Безконечно далекій педантизма, убивающаго живое дѣло науки, И. Н. Павловъ сумѣлъ найти такой путь къ своимъ занятіямъ съ учениками, который не только очень скоро сближалъ его съ ними, но и дѣлалъ его уроки настоящимъ праздникомъ для нихъ.

Время летитъ: двадцать лѣтъ пронеслось надъ безвременною могилкой Ипполита Николаевича, но и до сихъ поръ жива о немъ память въ сердцахъ его учениковъ, вспоминающихъ о немъ не иначе, какъ съ восторгомъ и самою искреннею признательностью.

Но педагогическія занятія, несмотря на всю ихъ увлекательность, не могли всецѣло завладѣть сложною высоко-поэтической натурой И. Н. Павлова, родившагося и выросшаго въ семьѣ, и по дарованію своихъ членовъ, и по общественнымъ отношеніямъ занимавшей видное мѣсто въ литературномъ мірѣ первой половины прошлаго столѣтія.

Не могъ И. Н. Павловъ порвать съ тѣмъ, что стало въ семействѣ Павловыхъ какъ бы традиціями. Его влекла къ себѣ дѣятельность литератора. И вотъ начинается его журнальная работа. *Русскія Ведомости*, основанная Н. Ф. Павловымъ и послѣ его смерти переданная къ его сыну, не долго оставались въ рукахъ И. Н. Павлова, который принималъ въ нихъ очень ограниченное личное участіе, и менѣе чѣмъ черезъ годъ, въ силу весьма печальныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ роковое вліяніе на всю его послѣдующую жизнь, передалъ ихъ своему сотруднику Н. С. Сявордову.

Покончивъ съ издательствомъ собственной газеты, И. Н. Павловъ началъ работать въ изданіяхъ М. Н. Каткова, *Московскихъ Ведомостяхъ* и *Русскомъ Вѣстникѣ*, гдѣ появился цѣлый рядъ его переводовъ и оригинальныхъ статей, преимущественно критическихъ. Имя молодого публициста скоро получило извѣстность въ литературныхъ кругахъ, а его прямолинейность и литературныя убѣжденія, которыя не замедлили выясниться, возстановили противъ И. Н. Павлова весьма многихъ изъ писателей, подвергнувшихся его справедливой критикѣ. Для меня, между прочимъ, памятна страстная полемика, возгорѣвшаяся между И. Н. Павловымъ и въ то время только еще начинавшимъ приобретать извѣстность

П. Д. Боборыкинымъ. И. Н. Павловъ горячо нападалъ на „новые приемы“ русскихъ литераторовъ, видѣвшихъ въ натурализмѣ чуть ли не откровеніе, г. Боборыкинъ защищался, причемъ называлъ противника „литературнымъ старичкомъ“, за его приверженность традиціямъ. Помню я, какъ насмѣшило Ипполита Николаевича это названіе, и какою горячо отповѣдью отвѣтилъ онъ г. Боборыкину.

Народилась Аксаковская *Русь*, и И. Н. Павловъ сталъ однимъ изъ дѣятѣльнѣйшихъ сотрудниковъ И. С. Аксакова, котораго любилъ и уважалъ не меньше, чѣмъ М. Н. Каткова, за его русскія убѣжденія. Но работая въ чужихъ газетахъ, Ипполитъ Николаевичъ въ послѣдніе годы жизни не переставалъ мечтать о своемъ собственномъ изданіи и года за два до смерти сталъ издавать журналъ *Кружозоръ*. Отсутствіе средствъ и разразившійся надъ его семьей неожиданный ударъ, совершенно подавившій И. Н. Павлова, къ сожалѣнію, очень скоро положили конецъ этому его самостоятельному литературному предпріятію. *Кружозоръ* прекратился на первомъ же году, принесъ своему основателю однѣ непріятности и разочарованія.

Это было въ 1881 году. Видя невозможность безъ средствъ издавать газету, Ипполитъ Николаевичъ сталъ искать другихъ путей для проведенія въ публику своихъ литературныхъ убѣжденій, и остановился на публичныхъ чтеніяхъ. Зимой, въ началѣ 1882 года, заручившись необходимымъ разрѣшеніемъ, съ лихорадочнымъ оживленіемъ приступилъ И. Н. Павловъ къ осуществленію своего плана, и успѣхъ превзошелъ всѣ его ожиданія. Его пять публичныхъ лекцій, посвященныхъ критическому разбору цѣлага ряда современныхъ ему литературныхъ произведеній, привлекли такую массу публики, что большой залъ въ домѣ кн. Трубецкой, въ Знаменскомъ переулкѣ, едва вмѣщалъ всѣхъ желающихъ слушать талантливаго лектора. Чтенія эти такъ всѣхъ заинтересовали, что Ипполитъ Николаевичъ рѣшилъ на будущую же зиму прочесть цѣлый рядъ литературно-критическихъ лекцій и даже сталъ готовиться къ нимъ. Но этому начинанію его не суждено было сбыться.

Въ томъ же 1882 году, 23 августа, онъ скончался отъ болѣзни сердца, осложненной чахоткою.

И. Н. Павловъ умеръ, но память о немъ жива до сихъ поръ во всѣхъ знавшихъ его, особенно въ его ученикахъ и ученикахъ, которые навсегда сохраняютъ самыя свѣтлыя воспоминанія объ этомъ прекрасномъ чловѣкѣ и дивномъ педагогѣ.